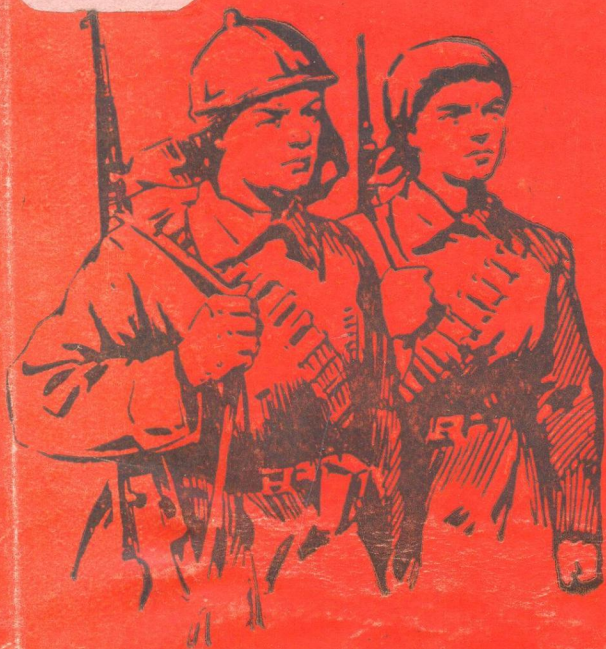

OP82
P62

Op 82
P62

122

РОЖДЕННЫЕ В ПЛАМЕНИ

Op82
P62

+Op232 (9)

+Op8
+OpC

РОЖДЕННЫЕ В ПЛАМЕНИ

804846

804846

Тульская
областная
библиотека
им. В. И. Ленина

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. В. И. Ленина

ОРЕНБУРГСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1958

ПОЕЗДКА В ЛОГОВО ВРАГА

РАССКАЗ

В пасмурный и ветреный день середины мая девятнадцатого года наш, 210-й полк, оборонявший восточные подступы к Оренбургу, готовился к отражению очередной атаки частей 2-го казачьего корпуса, оголтело рвавшихся в город.

В первые же минуты временной передышки меня вызвал ротный командир и сказал:

— Товарищ Булатов, немедленно отправляйся к комиссару полка. Важное дело есть.

— Слушаюсь! — отчеканил я и побежал к штабу полка, расположенному на окраине Форштадта.

В штабе я увидел не только комиссара полка Калашникова, но и председателя губкома партии Акулова, частого посетителя рубежей красных полков.

— Присаживайся, Кузьма, — сказал комиссар, — будет серьезный разговор.

Я опустился на скамью и остановил свой взгляд на руководителе оренбургских большевиков, который в свою очередь внимательно рассматривал меня своими большими темными глазами. С крупноватым носом и крохотными усиками, еле-еле прикрывавшими бороздку над верхней губой, чисто выбритое лицо его выглядело крайне утомленным.

— Кузьма Булатов — наиболее подходящая кандидатура для выполнения задания, — говорил Акулову комиссар. — Более чем за год службы в полку он участвовал во

многих боях, не раз ходил в разведку. Все его командиры говорят, что он парень сообразительный, выносливый и отважный. А то, что он кажется моложе своих восемнадцати лет, это, Иван Алексеевич, даже к лучшему.

Акулов согласно кивнул головой, затем спросил:

— Как у тебя, Кузьма, с грамотностью?

— Окончил приходскую школу, — ответил я.

— А после чем занимался?

— Поначалу служил мальчиком в типографии, парикмахерской и коробочной мастерской, потом поступил на кожевенный завод, а еще позже устроился учеником в депо, где мой отец работал промывальщиком паровозов. В депо меня вскорости поставили подручным слесаря. Перед вступлением в Первый красногвардейский отряд я уже был слесарем.

— Так.. Ты, Кузьма, в станице Майорское бывал?

— Нет, не бывал.

— Может, родственники или знакомые там живут?

— Да нет будто.

— Скажи, тебе на велосипеде приходилось ездить?

— Никогда не приходилось.

— А дня за два-три сумеешь научиться?

— Думаю, сумею, — ответил я.

Акулов опять кивнул и, подавшись ко мне, проговорил:

— На днях, Кузьма, необходимо пробраться в тыл врага. Можно положиться на тебя?

— Приложу все силы, чтобы выполнить задание, — без колебаний произнес я.

— Тогда готовься. Первоочередная твоя задача — научиться ездить на велосипеде. Надеюсь, — губы Акулова тронула скупая улыбка, — ты избежишь злоключений, описанных Марком Твэном в рассказе «Укрощение велосипеда». Читал?

— Не доводилось.

— Ну, когда-нибудь прочтешь... Учти, Кузьма, в Майорское отправишься в форме гимназиста, а к ней тоже надо привыкнуть. Задание получишь в день отъезда. А сейчас направляйся в губком к товарищу Пирожкову. Он в курсе дела. О нашей беседе никому больше ни гугу. Ясно?

— Еще бы!

Через полчаса я отыскал Пирожкова и представился ему. Он тут же потребовал к себе какого-то Иваныча и велел ему

найти для меня приличную форму гимназиста и исправный велосипед...

Спустя некоторое время я превратился в гимназиста. Глянул в подвернувшееся зеркало и — рассмеялся. Уж я ли это?..

Вскоре мне дали велосипед московского завода «Дукс». Незвизрая на дождливую погоду, я пошел в Караван-Сарайский сад на первый урок.

Сколько раз видел, как сынки богачей садились на велосипед, катались, соскакивали на землю, и про себя думал, что мудреного в этом нет ничего. К тому же и правила езды мне были знакомы. Однако на практике все оказалось куда сложнее. Не знаю, что писал Марк Твэн об укрощении велосипеда, но когда я неполных три дня «объезжал» свой «Дукс», мне пришлось-таки хлебнуть горюшка.

Но в целом дело шло все-таки недурно. Уже к исходу второго дня я довольно уверенно садился на «Дукс», свободно двигался по прямой, поворачивал, куда хотел, а спрыгивал с велосипеда, можно сказать, лихо.

Пирожков был удивлен моими успехами. По его мнению, и на гимназиста я вполне смахивал... Короче говоря, утром следующего дня он привел меня к предгубкома.

— Ну, «гимназист», — начал Акулов, — слышал я, что велосипед ты укротил без свинцовых примочек и разных там помощников. Толково. Что ж, товарищ Булатов, пора тебе в дорогу. Для неопытного самокатчика она длинновата: в оба конца верст восемьдесят наберется... Так слушай меня, Кузьма, хорошенько...

Акулов обстоятельно растолковал мне то, что я должен был пересказать одному из руководителей подполья станицы Майорское, и добавил:

— Как добраться туда, как свидеться с нужными людьми — об этом тебе скажет после товарищ Пирожков. Крепко запомни, Кузьма, тебе доверена важная тайна, касающаяся обороны родного Оренбурга. Сам знаешь, что, в случае провала, ждет тебя самого и красных подпольщиков станицы. Постарайся завтра вернуться. Выполнение этого задания послужит тебе наилучшей рекомендацией при записи в Коммунистический Союз Молодежи, а день этот не за горами... Ну, желаю удачи, Кузьма Булатов...

Уединившись со мной в соседней комнате, Пирожков неторопливо разъяснил мне что и как.

Наконец я отправился в путь, имея в заплечном мешке

кусок хлеба, две воблы и рыболовные снасти. В кармане брюк лежало немного денег. Под стельку ботинка был за-
прятан временный пропуск.

Погода, кажется, обещала благоприятствовать моему велопробегу: хотя слабый западный ветерок и гнал по небу редкие пепельные облака, было похоже на то, что дождь нынче не польет.

Со стороны Урала доносились винтовочные выстрелы и пулеметная трескотня. Это непосредственные защитники Оренбурга — батальоны 217-го полка — вели бой с подразделениями 1-го казачьего корпуса Дутова, занявшими Зауральную рошу. Изредка в городе рвались вражеские снаряды. Наши батареи давали по врагу ответные залпы.

Оставив позади малолюдные улицы центра города, я пересек совсем пустынную Конносенную площадь, миновал женский монастырь, ветряные мельницы, каретные ряды, новое магометанское кладбище и выехал на сакмарскую дорогу. По ней туда-сюда тянулись пешие группы красноармейцев, проносились конные посыльные. От Оренбурга на повозках везли боеприпасы и провиант, к Оренбургу — раненых бойцов 216-го полка, оборонявшегося в районе разъезда Сакмарский и хутора Гребени.

От почти непрерывных дождей проселок, разбитый колесами телег и лошадиными копытами, не годился для быстрой езды. И я медленно подвигался вперед по пешеходной тропинке, вьющейся по обочине дороги.

Не доезжая верст пяти до горы Гребени, я круто свернул налево и направился к будке, одиноко торчавшей на железнодорожной линии Оренбург—Орск. Мне было известно, что местность от хутора Гребени до станицы Берды контролировали наши войска, и все же, перетаскивая велосипед через полотно в двадцати шагах от будки, я невольно вздрогнул и замер, услышав громкий окрик:

— Стой!

Из будки вышли два человека. Один в шинели, другой в армяке, оба с винтовками и гранатами. Вроде свои, но в этом надо было еще убедиться.

— Подь-ка сюда! — позвал человек в шинели, видимо, старший.

Я приблизился.

— Что за фрукт такой?

Я разыграл из себя обиженного:

— Вовсе и не фрукт, а гимназист.

— Ишь-ты... Отколь и куды путь доржишь?
— Городской я. А еду под Каргалу рыбачить.
— Вона как! Ну, наловишь ты чего аль нет, не мне судить, а вот что сам ты угодишь белякам на крючок, — это уж как пить дать, — иронически проговорил старший, сверля меня острыми глазами.

А другой, сумрачно глядя на меня, сказал:

— У него самого, может, думка такая есть — переметнуть к тем белякам.

Убедившись, что передо мной свои, я браво заявил:

— Такой думки не таю, а в Каргалу на первый случай хочу попасть.

— Ты паря, головы нам не морочь, — рассердился старший. — И вот тебе мой сказ: поворачивай подобра-поздорову назад.

— Назад мне незачем поворачивать: я пропуск имею.

Прислонив к будке велосипед, я снял ботинок, достал пропуск и протянул его старшему. Пока тот разбирался в документе, я снова обулся.

— Бумага всамделишная, — деловито сказал он и вдруг озорно подмигнул мне:

— Ну, валяй дальше, гимназия.

Приняв от старшего пропуск, я разорвал его на мелкие частицы и развеял по ветру. Затем, взяв машину, сказал:

— Счастливо оставаться, товарищи.

— Путь добрый, — по-свойски отозвались они.

— Ты, паренек, в оба гляди, — напутствовал меня боец в армяке. — Возле речки конные дозоры белых то и дело рыщут. Давеча трое пронеслись... Э, да вон они, никак, сызнова гарцуют.

И точно, верстах в полутора от нас по луговине рысили трое всадников.

— Они, проклятушие. Вынюхивают, где да что...

Внезапно конники остановились.

— Заметили нас, — спокойно промолвил старший. — А пускай, нам все одно надо подвинуться ближе к Гребени.

И тут мне на ум пришла отчаянная мысль.

— Товарищи, потрепите меня на виду у беляков. Поставьте фонарь под глазом, расквасьте губы. Это сойдет мне за пропуск во вражий стан.

— Хитро смозговал, — крикнул старший. — Токмо на своего рука не подымется.

— Подымется, раз нужно, — урезонил я его.

Старший помотал головой с такой гримасой, словно у него нестерпимо болели зубы, и, скрываясь в будке, указал своему напарнику:

— Микола, сделай это ты...

— Эхма, — вздохнул бедняга, не трогаясь с места.

— Скорей, Микола, а то ускачут, — поторопил я его.

Микола неуверенно взял меня за грудки и не сильно потряхнул раз-другой.

— Да бей же ты! — крикнул я в сердцах.

— Прости, господи, — жалобно пробормотал Микола и ударил меня кулаком по подбородку и по левой скуле.

Вдали хлестко прозвучал выстрел. Это пальнул один из всадников.

— Езжай, мил человек, — проговорил Микола. — И не сердчай на меня. Больно ведь, чай.

— Спасибо, друг, за услугу, — сказал я, вытирая ладонью выступившую на губах кровь. — А боль что — она пройдет...

Вскочив на велосипед, я покатил к Каргале. Всадники помаячали еще с минуту на прежнем месте, потом затрусили ко мне. Я остановился и стал поджидать их, стараясь изобразить на своем разукрашенном синяком лице радость. Но в то же время я волновался: черт их знает, этих беляков, как они истолкуют случай у будки, как отнесутся ко мне. Ну, думаю себе, крепись теперь, Кузьма, начинается ходьба по веревочке...

Подъехали дутовцы на сытых лошадях, в казачьей форме, с клинками, нагайками и карабинами.

— Кто таков? — басисто спросил бородач с биноклем на груди. Я признал в нем старшего.

— Гимназист, — скромно улыбнулся я.

— Куды те нелегкая несет?

— В Майорское, за продуктами к тетке. А на обратном пути, может, порыбачу под Каргалой. Мать у меня больная, рыбки свежей захотела.

— Самый подходящий сезон для рыболовства, — ухмыльнулся второй бородач.

— А твой отец где? — поинтересовался старший.

— Отец пропал без вести еще в пятнадцатом году, — с печалью в голосе проговорил я.

— Да-а, — как бы посочувствовал старший. — А красные у будки чего привязались к тебе? Видал я, как один молотил тебя. Ишь ты, метки какие оставил на морде.

— Не пускали, черти, к Сакмаре, — с возмущением ответил я.

— Почто так?

— Гимназист, мол, такой-сякой, наверно, бежишь к Дутову служить... А мне бы как мать от чахотки спасти...

— Ты ишо слюни распусти тут, — сурово пробасил старший. — Какой год-то?

— Мне? — будто не понял я.

— Не кобыле же моей.

— Семнадцатый идет, — под ржанье казаков сообщил я, прикинувшись смущенным.

— Ишо недоросток, — снисходительно изрек старший.

— Хлипкий, — презрительно сплюнул третий, молодой чубатый казак.

— А пошарить в его мешке не помешает, — подсказал второй бородач.

Не дожидаясь распоряжения, я снял мешок, развязал его и высыпал содержимое на траву — вот-де, смотрите.

— Ладноть, собери свое богатство, — поморщился старший. — Ты, малый, того, поезжай к речке. Так и быть, посадим тя на паром.

— Спасибо вам, дяденька, — умильно поблагодарил я его.

Скоро мы переправились на правый берег Сакмары и вступили в Каргалу. Невинно поглядывая по сторонам, я брал на заметку все, что могло пригодиться нашему командованию... У мечети старший приказал чубатому:

— Петро, ты проскачи с малым до кладбища. А то его задержит кто понапрасну.

Казак молча сопровождал меня. Но по всему было видно, что это поручение пришлось ему не по нутру. И едва мы выбрались на дорогу, идущую на Майорское, он, ни слова не говоря, повернул в село, злобно вытянув коня нагайкой.

— Спасибо, станичник! — не оборачиваясь, крикнул я ему, а потише добавил: — Эх, снять бы тебя с верха меткой пулей...

Остаток пути я одолел за какой-нибудь час, причем безо всяких приключений. Было несколько встреч с беляками и мирными крестьянами, но никто из них не проявил любопытства к «гимназисту» на велосипеде.

И вот передо мною раскинулась большая станица Майорская. Сердце мое глухо заколотилось. Было отчего: ведь я въезжал в опасное логово врага. Как-то сложатся мои дела?

Я двигался по улице на малой скорости. За мной сразу увязалась шумная ватага казачат. Я снисходительно улыбался и говорил им всякие пустяки, а заодно попросил показать мне дом Марфы Потаповны Крыльцовой.

И вот я остановился у полусгнивших ворот. Кое-как протиснувшись сквозь крикливую толпу казачат, распахнул калитку и оказался в маленьком дворике. Ребятишки хлынули было следом за мной, но вышедшая из сарайчика худенькая старушка прикрикнула на них:

— Вы чего тут не видали, а?! А ну кш отсюда, сорванцы!

Я подошел к старушке и тихонько спросил:

— Вы будете Марфа Потаповна?

— Ну я, — спокойно ответила она.

— Молока свежего не продадите?

— Нету свежего. Кислое найдется.

— Все равно, я и кислое люблю.

Старушка тепло промолвила:

— Вот ты кто, голубок. Ну, заводи свою конягу в сенцы, а сам в избу ступай. Постояльцев у меня, слава богу, нет: дюже тесновата избенка-то.

Не теряя времени, мы до мельчайших подробностей договорились с хозяйкой о нашем с ней «родстве», а также о мнимой цели моего визита. После этого она поведала о себе, но уже сущую правду. Муж ее, один из беднейших казаков станицы, умер в двенадцатом году. Сын погиб в империалистическую войну. Дочь выдана замуж в другую станицу. Двоюродный брат Марфы Потаповны жил в Оренбурге, держал постоялый двор, но о нем что-то давненько ничего не слышно. А у него был сын приблизительно моих лет. Теперь старушка живет одна. Держит коровенку и курочек. Есть огородишко. Вяжет пуховые платки на продажу.

Наконец хозяйка захлопотала об угощении: принесла холодного молока из погреба, наварила яиц, подала лепешек.

Я с аппетитом поел и по совету Марфы Потаповны прилег на кровать. Откровенно говоря, я был рад отдыху. От непривычной и долгой езды на велосипеде ноги у меня, что называется, гудели. Да и во всем теле ощущалась уста-

лость. Хозяйка, убрав со стола, уселась возле меня с вязаньем и начала рассказывать о том, что творится в их Майорке. Оказывается, позавчера беяки расстреляли станичника, подозреваемого в «связях» с большевиками, недель же раньше они зарубили четверых пленных красноармейцев. Есаул тут лютует. Зверь, а не человек... А что дутовцы очистили закрома у жителей, мучают их поборами да чинят всякие безобразия в станице, — об этом и толковать не приходится...

Вдруг скрипнула калитка, потом в сенях кто-то тяжело застучал сапогами, и вот в избу ввалился кряжистый, скуластый, усатый белоказак. Марфа Потаповна, сверкая вязальными спицами, продолжала безмятежно сидеть, а я из вежливости привстал с кровати.

— Сказывают, кто-то прикатил к тебе на лисапедке, — сказал дутовец, обращаясь к хозяйке. — Этот, что ль? — хмуро кивнул он на меня. — Есаул прислал узнать.

— Он, он, племян мой, гимназистик дорогой, — не отрывая глаз от вязанья, степенно заговорила Марфа Потаповна. — Нужда, вишь ты, заставила пуститься в этакую даль из города. За пропитанием вот пожаловал. Родительница его, Варвара, чахоткой мается, а поддержать ее и нечем. Сынок-то у ней теперь вся опора, а он еще, вишь, зелен. Родитель же его, кубыть, мой братец Данила, пропал без вести в германскую.

Старушка звучно высморкалась в фартук и смахнула с глаз набежавшие слезы (повод к ним у нее, конечно, всегда был). Я уныло смотрел в угол с иконами.

Казак покрутил в раздумье ус и неуклюже вышел, бросив неопределенное «ладныть».

— Ты знай полеживай, голубок, — сказала хозяйка, — авось, обойдется.

Однако не обошлось.

Вскоре тот же казак, наверное вестовой, просунул голову в раскрытое оконце, выйдившее на улицу, и распорядился:

— Ментом к есаулу. Вместях.

— Зачем, а? — наивно, с недоумением спросил я его, но в груди моей будто что-то оборвалось.

— Там узнаешь, — буркнул дутовец.

— Пойдем, голубок, — с завидным хладнокровием промолвила Марфа Потаповна. — Ничего не поделаешь, такой уж порядок.

У штаб-квартиры есаула вестовой неожиданно разлучил нас. Ее он направил в дом, а меня втолкнул во двор и сдал находившемуся там белоказаку. Не успел я опомниться, как очутился в полутемном маленьком амбарчике под замком.

Я присел на высокий порог, чувствуя, как тревога сжимает сердце. В голове зароились невеселые мысли. Долго ли продержат меня в этом пропахшем мышами и прелью амбарчике? Удастся ли освободиться и выполнить поручение губкома? А что если и выпустят, но заставят сразу покинуть станицу? Как же тогда с заданием? А ну как Марфа Потаповна собьется, давая показания?

Нет, я не пал духом и не испугался за свою жизнь. Направляясь в станицу, я приготовился ко всему, даже к самому худшему...

И тут я вспомнил своего отца, только не выдуманного, а настоящего, который в это самое время был в числе защитников Оренбурга. В начале января восемнадцатого года его, как члена Центрального стачечного комитета железнодорожников, арестовал и приговорил к смертной казни Дутов, тогдашний властитель города. Однако незадолго до расправы отцу вместе с группой приговоренных к расстрелу посчастливилось обмануть стражу и убежать.

А на что при неблагоприятном обороте дел мог надеяться я? Да, пожалуй, ни на что. Словом, свое положение я считал почти безнадежным. Если мне и предоставится возможность удрать из-под ареста, то где укроюсь и отсижусь? В окружающей степи не спрячешься, а в станице, наводненной белоказаками, разве найти мне убежище? Есть, конечно, свои люди, но как их опознать? А к дому Марфы Потаповны тогда и близко нельзя подходить. Да и с хозяйкой моей что станет, неизвестно.

Ожидая вызова, я без конца прикидывал, какие вопросы могут быть заданы мне на допросе, как мне отвечать на них, как держать себя перед врагами.

Прошло не менее двух томительных часов, прежде чем меня потребовали к есаулу.

В прихожей вестовой велел мне «чуток погодить». Осматривая помещение, я вдруг услышал, как в боковушке, дверь в которую была немного приоткрыта, кто-то невидимый раздраженно говорил:

— ...И в Майорке вот развелись большаки, чтоб их... Ну кому, как не им, мутить головы станичной голытьбе? А кто, думаешь, крадет у наших пьяных дурней карабины и

патроны? А кто намерен испортить пушку? То-то вот...

«Ага, значит, местные подпольщики дают жару белоказакам», — с удовлетворением отметил я.

От есаула вышла какая-то немолодая женщина.

— Заходи таперь, — сказал мне вестовой.

В горницу я вступил с видом человека, обиженного несправедливым отношением к себе.

За столом восседал лысеющий, узколобый казачий офицер с худощавым вытянутым лицом, поросшим рыжеватой щетиной.

Как воспитанный гимназист, я, сняв фуражку, почти-тельно поздоровался:

— Здравствуйте, господин есаул.

Пропустив слова приветствия мимо ушей, он резко произнес:

— Говори, кто ты, как и зачем появился в станице. И поостерегись врать, не то, знаешь...

Есаул сделал недвусмысленный жест рукой.

Я рассказал ему все...

Он засыпал меня вопросами, стараясь запутать и поймать на слове. Но я отвечал будто по-писанному, и как ни бился есаул, не мог ни к чему придаться. Убедившись в бесполезности своего допроса, он отпустил меня.

Трудно сказать, кто больше обрадовался, я или Марфа Потаповна, когда мы встретились в сенях ее дома.

Переговорив обо всем, мы пришли к выводу, что есаула прежде всего занимало одно: действительно ли семья двоюродного брата Марфы Потаповны проживает в Оренбурге. Именно с этой целью есаул и вызвал нескольких соседей моей хозяйки, к счастью, подтвердивших ее показания. Доказать же, что я являюсь «племянком» старушки, не составляло труда.

Беду как будто пронесло, но осторожность и впредь была не лишней.

До вечера в избу никто из посторонних не заходил. Когда стемнело, Марфа Потаповна напоила меня парным молоком и опять велела лечь в постель, но уже раздетым, а сама ушла, предупредив:

— Коль что, скажи, понесла, мол, казакам молочка и яичек.

В станице гуляли подвыпившие дутовцы. Слышалось их нестройное пение. Временами раздавались истошные визги или вопли молодок...

Хозяйка вернулась в полночь.

— Спишь, нет ли?

— Не до сна мне, Марфа Потаповна.

— Человек один должен подойти, — шепнула она.

Немного погодя, кто-то тихо переступил порог избы и застыл у двери.

— Ты, Василь?

— Я, тетя Марфа, — еле слышно отозвался вошедший.

— Я вам сейчас зажгу коптилку в сенцах. Выходи туда, голубок.

В нижнем белье и босиком я последовал за хозяйкой и ночным посетителем.

При тусклом дрожащем свете коптилки я увидел рослого станичника лет тридцати. Его пристальный и умный взгляд понравился мне. Когда Марфа Потаповна оставила нас одних, я спросил пароль. Произнеся нужное слово, он потребовал отзыв. Я ответил. И лишь после этого мы обменялись рукопожатием. Затем я в точности передал казаку-подпольщику задание губкома партии. Выслушав меня, Василий сказал:

— Все ясно. А товарищу Акулову передай, что мы не подкачаем... Теперь же, друже, выкладывай, что делается в городе и округ его.

Я рассказал Василию все, что знал, а он, в свою очередь, сообщил мне ценные сведения о частях 2-го казачьего корпуса, расквартированных в станице и окрестностях, а также о делах своей подпольной организации.

— Когда обратно? — спросил он в заключение.

— Завтра утром.

— Добре. Ну, я пойду, а то, не ровен час, еще нагрянут дутовские псы.

Мы попрощались и разошлись.

Несмотря на то, что главная цель поездки в Майорское была выполнена, смутная тревога долго мешала мне заснуть. Лишь перед рассветом удалось немного подремать. Но едва ласковый солнечный луч коснулся моего лица, я проворно встал. Пока закусывал, Марфа Потаповна укладывала в мой мешок «пропитание»: два каравай пшеничного хлеба, три шара сливочного масла, порядочную порцию солонины, десятка четыре вареных яиц. Оказывается, все это насоби-

рал Василий и на зорьке переслал с дочуркой. Про себя я уже решил все эти продукты передать в детдом.

Со двора мы вышли вместе с хозяйкой. Она семенила рядом со мной и озабоченно наказывала беречь «хворую» мать. У домов уже сидели, покуривая, дутовцы. У окраины станицы Марфа Потаповна обняла меня, поцеловала в обе щеки, мелко перекрестила и сказала на прощанье:

— Храни тебя господь, сынок.

Я поехал. До Каргалы домчал быстро. К моему удивлению, в это погожее утро мне никто не повстречался на пути. Проскочив татарское село, по которому сновали белоказаки, я приблизился к реке Сакмаре и сошел с велосипеда. У парома возились двое каргалинцев. Поблизости от них на бревне сидел вооруженный дутовец немногим старше меня и, смотря на веселый заречный лесок, высвистывал песню «По Дону гуляет казак молодой». Сообразив, что без его разрешения мне не попасть на левый берег, я подошел к нему. Он лениво обернулся и недоброжелательно скосил на меня колючие черные глаза.

— Станичник, — обратился я к беляку, — как бы перебраться на ту сторону?

— Ты откудова свалился?

Я был вынужден повторить свою историю снова.

— В мешке, значит, у тя харчишки?

— Ну да.

— Покаж.

Я нехотя показал. Дутовец облизнулся, глаза его алчно заблестели.

— Половину мне, тогда укажу, чтоб перевезли, — нахально отрезал он.

— Эх, станичник... Креста, видно, на тебе нет, — упрекнул я его нарочно погромче, заметив, что паромщики слушают нас.

— Ты ишо поори тут! — зыкнул беляк. — А о кресте помалкивай... И гляди мне, — зловеще добавил он, — станешь упираться, отыму мешок, не то к сотнику отведу. Лазутчика, мол, словил. Ну, как?

— Делай, что хочешь, воля твоя, — скучно отозвался я, избегая взгляда ненавистного дутовца.

Видимо, заподозрив что-то неладное, он быстро поднялся и грубо проговорил:

— А ну-ка, топай в село.

Мы зашагали с ним: я, ведя машину за руль, впереди, а он, как и положено конвоиру, — сзади.

«Вот не повезло, — думал я, всеми силами подавляя волнение. — Не хватало еще с каким-то сотником познакомиться. А что, если он окажется хитрее и свирепее есала? Ну теперь будь, что будет. Задание выполнено».

— Афоня, ты куда повел малого? — раздался вдруг знакомый бас.

Мы с конвоиром, как по команде, остановились.

В группе белоказак, стоявших возле одного двора, я увидел своего вчерашнего покровителя.

— К сотнику, — ответил Афоня.

— Здравствуйте, дяденька, — поклонился я знакомому казаку.

Кивнув мне, бородач промолвил:

— Этого малого я знаю.

Рассказав в двух словах, при каких обстоятельствах мы встретились с ним, он сказал Афоне:

— Ослобони его. Пушай к родительнице своей поспешает.

Афоня повернул меня назад. У реки он все же вспомнил о харчишках. Однако теперь уж он полагался на мое великодушие.

Принимая от меня скупой дар за бесценный перевоз, беляк скверно выругался и крикнул паромщикам:

— Эй вы там, нехристь поганая, перевезите его!

Один татарин лет пятидесяти переправил меня с велосипедом на плоскодонке. Когда я протянул ему деньги, он досадливо махнул рукой:

— Моя не нада.

— Нет, уж вы возьмите, — настойчиво совал я ему мятую бумажку.

— Ай, зачем возьми! Сказал не нада... Ты Кушкуль иди, — вдруг проговорил он. — Лева брать не нада: казак засада делал.

Поблагодарив татарина за перевоз и добрый совет, я выбрался на берег, сел на машину и покатил по указанной дороге.

У деревни Кушкуль меня неожиданно остановил... красноармеец. Можно себе представить, как я обрадовался, увидав своего. Вызванный им командир быстро разобрался, в чем дело, и ни одной лишней минуты не задержал ме-

ня. Окрыленный, я помчался к Оренбургу со скоростью, на какую только был способен.

И вот наступил миг, когда я, запыхавшийся, но бесконечно счастливый, вбежал в здание губкома и ворвался в комнату Пирожкова.

— Кузьма, ты, брат! — обрадованно воскликнул он, прервав разговор с каким-то товарищем. — Пойдем к Ивану Алексеевичу.

После того как я подробно доложил Акулову о своей поездке, он, пожимая мне руку, сказал:

— За успешное выполнение ответственного задания губкома получишь, Кузьма, именной подарок...

В тот же день я влился в свою боевую семью. Разумеется, не в гимназической форме и без велосипеда...